

Монтель Мишель
О воспитании детей

Госпоже Диане де Фуа, графине де Гюрсон. Я не видел такого отца, который признал бы, что сын его запаршивел или горбат, хотя бы это и было очевидно истиной. И не потому если только его не ослепило окончательно отцовское чувство - чтобы он не замечал этих недостатков, но потому, что это его собственный сын. Так и я; ведь я вижу лучше, чем кто-либо другой, что эти строки - не что иное, как измышление человека, отведавшего только вершков науки, да и то лишь в детские годы, и сохранившего в памяти только самое общее и весьма смутное представление об ее облике: капельку того, чуточку этого, а в общем почти ничего, как водится у французов. В самом деле, я знаю, например, о существовании медицины, юриспруденции, четырех частей математики [2], а также, весьма приблизительно, в чем именно состоит их предмет. Я знаю еще, что науки, вообще говоря, притязают на служение человечеству. Но углубиться в их дебри, грызть себе ногти за изучением Аристотеля, властителя современной науки, или уйти с головою в какую-нибудь из ее отраслей, этого со мною никогда не бывало; и нет такого предмета школьного обучения, начатки которого я в состоянии был бы изложить. Вы не найдете ребенка в средних классах училища, который не был бы вправе сказать, что он образованнее меня, ибо я не мог бы подвергнуть его экзамену даже по первому из данных ему уроков; во всяком случае, это зависело бы от содержания такового. Если бы меня все же принудили к этому, то, не имея иного выбора, я выбрал бы из такого урока, и притом очень неловко, какие-нибудь самые общие места, чтобы на них проверить умственные способности ученика, - испытание, для него столь же неведомое, как его урок для меня.

Я не знаю по-настоящему ни одной основательной книги, если не считать Плутарха и Сенеки, из которых я черпаю, как данаиды [3], непрерывно наполняясь и изливая из себя полученное от них. Кое-что оттуда попало на эти страницы; во мне же осталось так мало, что, можно сказать, почти ничего. История - та дает мне больше поживы; также и поэзия, которой я питаю особую склонность. Ибо, как говорил Клеанф [4], подобнотому, как голос, сжатый в узком канале трубы, вырывается из нее более могучим и резким, так, мне кажется, и наша мысль, будучи стеснена различными поэтическими размерами, устремляется гораздо порывистее и потрясает меня с большей силой. Что до моих природных способностей, образчиком которых являются эти строки, то я чувствую, как они изнемогают под бременем этой задачи. Мой ум и мысль бредут ощущью, пошатываясь и спотыкаясь, и даже тогда, когда мне удается достичь пределов, дальше которых мне не пойти, я никоим образом не бываю удовлетворен достигнутым мною; я всегда вижу перед собой неизведанные просторы, но вижу смутно и как бы в тумане, которого не в силах рассеять. И когда я принимаясь рассуждать без разбора обо всем, что только приходит мне в голову, не прибегая к сторонней помощи и полагаясь только на свою сообразительность, то, если при этом мне случается - а это бывает не так уж редко - встретить, на мое счастье, у кого-нибудь из хороших писателей те самые мысли, которые я имел намерение развить (так было, например, совсем недавно с рассуждением Плутарха о силе нашего воображения), я начинаю понимать, насколько, по сравнению с такими людьми, я ничтожен и слаб, тяжеловесен и вял, - и тогда я проникаюсь жалостью и презрением к самому себе. Но в то же время я и поздравляю себя, ибо вижу, что мои мнения имеют честь совпадать иной раз с их мнениями и что они подтверждают, пусть издалека, их правильность. Меня радует также и то, что я сознаю - а это не всякий может сказать про себя, - какая пропасть лежит между ними и мною. И все же, несмотря ни на что, я не задумываюсь предать гласности эти мои измышления, сколь бы слабыми и недостойными они ни были, и притом в том самом виде, в каком я их создал, не ставя на них заплат и не подштопывая пробелов, которые открыло мне это сравнение. Нужно иметь достаточно крепкие ноги, чтобы пытаться идти бок о бок с такими людьми. Пустоголовые писаки нашего века, вставляя в свои ничтожные сочинения чуть ли не целые разделы из древних писателей, дабы таким способом прославить себя, достигают совершенно обратного. Ибо столь резкое различие в яркости делает принадлежащее их перу до такой степени тусклым, вялым и уродливым, что они теряют от этого гораздо больше, чем выигрывают.

Разные авторы поступали по-разному. Философ Хрисипп, например, вставлял в свои книги не только отрывки, но и целые сочинения других авторов, а в одну из них он включил даже "Медею" Еврипида. Аполлодор [5] говорил о нем, что,

если изъять из его книг все то, что принадлежит не ему, то, кроме сплошного белого места, там ничего не останется. У Эпикура, напротив, в трехстах оставшихся после него свитках не найдешь ни одной цитаты.

Однажды мне случилось наткнуться на такой заимствованный отрывок. Я со скрукою перелистывал французский текст, бескровный, немощный, настолько лишенный и содержания и мысли, что иначе его не назовешь, как французским текстом, пока, наконец, после долгого и скучного блуждания, не добрался до чего-то прекрасного, роскошного, возвышающегося до облаков. Если бы склон, по которому я поднимался, был пологим и подъем, вследствие этого, продолжительным, все было бы в порядке; но это была столь обрывистая, совсем отвесная пропасть, что после первых же слов, прочтенных мною, я почувствовал, что взлетел в совсем иной мир. Оказавшись в нем, я окинул взором низину, из которой сюда поднялся, и она показалась мне такой безрадостной и далекой, что у меня пропало всякое желание снова спуститься туда. Если бы я приукрасил какое-нибудь из моих рассуждений сокровищами прошлого, это лишь подчеркнуло бы убожество всего остального.

Порицать в другом свои недостатки, думается мне, столь же допустимо, как порицать - а это я делаю весьма часто - чужие в себе. Обличать их следует всегда и везде, не оставляя им никакого пристанища. Я-то хорошо знаю, сколь дерзновенно пытаюсь я всякий раз сравняться с обворованными мной авторами, не без смелой надежды обмануть моих судей: авось они ничего не заметят. Но я достигаю этого скорее благодаря прилежанию, нежели с помощью воображения. А кроме того, я не борюсь с этими испытанными бойцами по-настоящему, не схожусь с ними грудь с грудью, но делаю время от времени лишь небольшие легкие выпады. Я не упорствую в этой схватке; я только соприкасаюсь со своими противниками и скорее делаю вид, что соревнуюсь с ними, чем в действительности делаю это.

И если бы мне удалось оказаться достойным соперником, я показал бы себя честным игроком, обо вступаю я с ними в борьбу лишь там, где они сильнее всего.

Но делать то, что делают, как я указал выше, иные, а именно: облачаться до кончиков ногтей в чужие доспехи, выполнять задуманное, как это нетрудно людям, имеющим общую осведомленность, путем использования клочков древней мудрости, понатыканых то здесь, то там, словом, пытаться скрыть и присвоить чужое добро - это, во-первых, бесчестно и низко, ибо, не имея ничего за душой, за счет чего они могли бы творить, эти писаки все же пытаются выдать чужие ценности за свои, а во-вторых, это величайшая глупость, поскольку они вынуждены довольствоваться добытым с помощью плутовства одобрением невежественной толпы, роняя себя в глазах людей сведущих, которые презрительно морщат нос при виде этой надерганной отовсюду мозаики, тогда как только их похвала и имеет значение. Что до меня, то нет ничего, чего бы я столь же мало желал. Если я порой говорю чужими словами, то лишь для того, чтобы лучше выразить самого себя. Сказанное мною не относится к центонам [6], публикуемым в качестве таковых; в молодости я видел между ними несколько составленных с большим искусством, какова, например, одна, выпущенная в свет Капилути [7], не говоря уже о созданных в древности. Авторы их, по большей части, проявили свое дарование и в других сочинениях; таков, например, Липсий [8], автор ученейшей, потребовавшей огромных трудов компиляции, названной им "Политика".

Как бы там ни было, - я хочу сказать: каковы бы ни были допущенные мною нелепости, - я не собираюсь утаивать их, как не собираюсь отказываться и от написанного с меня портрета, где у меня лысина и волосы с проседью, так как живописец изобразил на нем не совершенный образец человеческого лица, а лишь мое собственное лицо. Таковы мои склонности и мои взгляды; и я предлагаю их как то, во что я верю, а не как то, во что должно верить. Я ставлю своею целью показать себя здесь лишь таким, каков я сегодня, ибо завтра, быть может, я стану другим, если узнаю что-нибудь новое, способное произвести во мне перемену. Я не пользуюсь достаточным авторитетом, чтобы каждому моему слову верили, да и не стремлюсь к этому, ибо сознаю, что слишком дурно обучен, чтобы учить других.

Итак, некто, познакомившись с предыдущей главой, сказал мне однажды, будучи у меня, что мне следовало бы подробнее изложить свои мысли о воспитании детей. Сударыня, если и я впрямь обладаю хоть какими-нибудь познаниями в этой области, я не в состояния дать им лучшее применение, как принеся в дар тому человечку, который грозит в скором будущем совершить свой торжественный выход на свет божий из вас (вы слишком доблестны, чтобы начинать иначе как с мальчика). Ведь, приняв в свое время столь значительное участие в устройстве вашего брака, я имею известное право печься о величии и процветании всего, что от него воспоследует; я не говорю уж о том, что давнее мое пребывание в вашем распоряжении в качестве вашего покорнейшего слуги обязывает меня желать всею душой чести, всяческих благ и

Монтель Мишель О воспитании детей filosoff.org

успеха всему, что связано с вами. Но, говоря по правде, я ничего в названном выше предмете не разумею, кроме того, пожалуй, что с наибольшими и наиважнейшими трудностями человеческое познание встречается именно в том разделе науки, который толкует о воспитании и обучении в детском возрасте.

Приемы, к которым обращаются в земледелии до посева, хорошо известны, и применение их не составляет труда, как, впрочем, и самий посев; но едва то, что посеяно, начнет оживать, как перед нами встает великое разнообразие этих приемов и множество трудностей, необходимых, чтобы его взрастить. То же самое и с людьми: невелика хитрость посеять их; но едва они появились на свет, как на вас наваливается целая куча самых разнообразных забот, хлопот и тревог, как же их вырастить и воспитать.

Склонности детей в раннем возрасте проявляются так слабо и так нечетко, задатки их так обманчивы и неопределенны, что составить себе на этот счет определенное суждение очень трудно.

Взгляните на Кимона, взгляните на Фемистокла и стольких других! До чего непохожи были они на себя в детстве! В медвежатах или щенках сказываются их природные склонности; люди же, быстро усваивающие привычки, чужие мнения и законы, легко подвержены переменам и к тому же скрывают свой подлинный облик.

Трудно поэтому преобразовать то, что вложено в человека самой природой. От этого и происходит, что, вследствие ошибки в выборе правильного пути, зачастую тратят даром труд и время на натаскивание детей в том, что они не в состоянии как следует усвоить. Я считаю, что в этих затруднительных обстоятельствах нужно неизменно стремиться к тому, чтобы направить детей в сторону наилучшего и полезнейшего, не особенно полагаясь на легковесные предзнаменования в догадки, которые мы извлекаем из движений детской души. Даже Платон, на мой взгляд, придавал им в своем "Государстве" чрезмерно большое значение.

Сударыня, наука – великолое украшение и весьма полезное орудие, особенно если им владеют лица, столь обласканные судьбой, как вы. Ибо, поистине, в руках людей низких и грубых она не может найти надлежащего применения. Она неизмеримо больше гордится в тех случаях, когда ей доводится предоставлять свои средства для ведения войн или управления народом, для того, чтобы поддерживать дружеское расположение чужеземного государя и его подданных, чем тогда, когда к ней обращаются за доводом в философском споре или чтобы выиграть тяжбу в суде или прописать коробочку пилиуль. Итак, сударыня, полагая, что, воспитывая ваших детей, вы не забудете и об этой стороне дела, ибо вы и сами вкусили сладость науки и принадлежите к высокопросвещенному роду (ведь сохранились произведения графов де Фуа [9], от которых происходит и господин граф, ваш супруг, и вы сами; да и господин Франсуа де Кандаль, ваш дядюшка, и ныне еще всякий день трудится над сочинением новых, которые продлят на многие века память об этих дарованиях вашей семьи), я хочу сообщить вам на этот счет мои домыслы, противоречащие общепринятым взглядам; вот и все, чем я в состоянии услугить вам в этом деле.

Обязанности наставника, которого вы дадите вашему сыну, – учитывая, что от его выбора, в конечном счете, зависит, насколько удачным окажется воспитание ребенка, – включают в себя также и многое другое, но я не стану на всем этом останавливаться, так как не сумею тут привнести ничего путного. Что же касается затронутого мною предмета, по которому я беру на себя смелость дать наставнику ряд советов, то и здесь пусть он верит мне ровно настолько, насколько мои соображения покажутся ему убедительными. Ребенка из хорошей семьи обучают наукам, имея в виду воспитать из него не столько ученого, сколько просвещенного человека, не ради заработка (ибо подобная цель является низменной и недостойной милостей и покровительства муз и к тому же предполагает искательство и зависимость от другого) и не для того, чтобы были соблюдены приличия, но для того, чтобы он чувствовал себя тверже, чтобы обогатил и украсил себя изнутри. Вот почему я хотел бы, чтобы, выбирая ему наставника, вы отнеслись к этому с возможной тщательностью; желательно, чтобы это был человек скорее с ясной, чем с напичканной науками головой, ибо, хотя нужно искать такого, который обладал бы и тем и другим, все же добрые нравы и ум предпочтительнее голой учености; и нужно также, чтобы, исполняя свои обязанности, он применил новый способ обучения.

Нам без отдыха и срока жужжат в уши, сообщая разнообразные знания, в нас вливают их, словно воду в воронку, и наша обязанность состоит лишь в повторении того, что мы слышали. Я хотел бы, чтобы воспитатель вашего сына отказался от этого обычного приема и чтобы с самого начала, сообразуясь с душевными склонностями доверенного ему ребенка, предоставил ему возможность свободно проявлять эти склонности, предлагая ему изведать вкус различных вещей, выбирать между ними и различать их самостоятельно, иногда указывая

Монтель Мишель О воспитании детей filosoff.org

ему путь, иногда, напротив, позволяя отыскивать дорогу ему самому. Я не хочу, чтобы наставник один все решал и только один говорил; я хочу, чтобы он слушал также своего питомца, Сократ, а впоследствии Аркесилай заставляли сначала говорить учеников, а затем уже говорили сами. *Obest plerumque iis qui discere volunt auctoritas eorum, qui docent* [10].

Пусть он заставит ребенка пройтись перед ним и таким образом получит возможность судить о его походке, а следовательно, и о том, насколько ему самому нужно умерить себя, чтобы приспособиться к силам ученика. Не соблюдая здесь соразмерности, мы можем испортить все дело; уменье отыскать такое соответствие и разумно его соблюдать – одна из труднейших задач, какие только я знаю. Способность слизоити до влечений ребенка и руководить ими присуща лишь душе возвышенной и сильной. Что до меня, то я тверже и увереннее иду в гору, нежели спускаюсь с горы.

Если учителя, как это обычно у нас делается, просвещают своих многочисленных учеников, преподнося им всем один и тот же урок и требуя от них одинакового поведения, хотя способности их вовсе не одинаковы, но отличаются и по силе и по своему характеру, то нет ничего удивительного, что среди огромной толпы детей найдется всего два или три ребенка, которые извлекают настоящую пользу из подобного преподавания.

Пусть учитель спрашивает с ученика не только слова затверженного урока, но смысл и самую суть его и судит о пользе, которую он принес, не по показаниям памяти своего питомца, а по его жизни. И пусть, объясняя что либо ученику, он покажет ему это с сотни разных сторон и применит ко множеству различных предметов, чтобы проверить, понял ли ученик как следует и в какой мере усвоил это; и в последовательности своих разъяснений пусть он руководствуется примером Платона [11]. Если кто изрыгает пищу в том самом виде, в каком проглотил ее, то это свидетельствует о неудобоваримости пищи и о несварении желудка. Если желудок не изменил качества и формы того, что ему надлежало сварить, значит он не выполнил своего дела.

Наша душа совершает свои движения под чужим воздействием, следя и подчиняясь примеру и наставлениям других. Нас до того приучили к помочам, что мы уже не в состоянии обходиться без них. Мы утратили нашу свободу и собственную силу. *Nunquam tutelae suae fiunt* [12]. Я знал в Пизе одного весьма достойного человека, который настолько почитал Аристотеля, что первейшим его правилом было: "Пробным камнем и основой всякого прочного мнения и всякой истины является их согласие с учением Аристотеля; все, что вне этого, – химеры и суэта, ибо Аристотель все решительно предусмотрел и все высказал". Это положение, истолкованное слишком широко и неправильно, подвергало его значительной и весьма долго угрожавшей ему опасности со стороны римской инквизиции.

Пусть наставник заставляет ученика как бы просеивать через сито все, что он ему преподносит, и пусть ничего не вдалбливает ему в голову, опираясь на свой авторитет и влияние; пусть принципы Аристотеля не становятся неизменными основами его преподавания, равно как не становятся ими и принципы стоиков или эпикурейцев. Пусть учитель изложит ему, чем отличаются эти учения друг от друга; ученик же, если это будет ему по силам, пусть сделает выбор самостоятельно или, по крайней мере, останется при сомнении. Только глупцы могут быть непоколебимы в своей уверенности.

Che non men che saper dubitar m'agarada [13].

Ибо, если он примет мнения Ксенофonta или Платона, поразмыслив над ними, они перестанут быть их собственностью, но сделаются также и его мнениями. Кто рабски следует за другим, тот ничему не следует. Он ничего не находит; да ничего и не ищет. *Non sumus sub rege; sibi quisque ve vindicet* [14]. Главное – чтобы он знал то, что знает. Нужно, чтобы он проникся духом древних мыслителей, а не заучивал их наставления. И пусть он не страшится забыть, если это угодно ему, откуда он почерпнул эти взгляды, лишь бы он сумел сделать их собственностью. Истина и доводы разума принадлежат всем, и они не в большей мере достояние тех, кто высказал их впервые, чем тех, кто высказал их впоследствии. То-то и то то столь же находится в согласии с мнением Платона, сколько с моим, ибо мы обнаруживаем здесь единомыслие и смотрим на дело одинаково. Пчелы перелетают с цветка на цветок для того, чтобы собрать нектар, который они целиком претворяют в мед; ведь это уже больше не тимьян или майоран. Точно так же и то, что человек заимствует у других, будет преобразовано и переплавлено им самим, чтобы стать его собственным творением, то есть собственным его суждением. Его воспитание, его труд, его ученье служат лишь одному: образовать его личность.

Пусть он таит про себя все, что взял у других, и предает гласности только то, что из него создал. Грабители и стяжатели выставляют напоказ выстроенные ими дома и свои приобретения, а не то, что они вытянули из чужих кошельков. Вы не видите подношений, полученных от просителей каким-нибудь членом парламента; вы видите только то, что у него обширные

связи и что детей его окружает почет. Никто не подсчитывает своих доходов на людях; каждый ведет им счет про себя. Выгода, извлекаемая нами из наших занятий, заключается в том, что мы становимся лучше и мудрее.

Только рассудок, говорил Эпихарм [15], все видит и все слышит; только он умеет обратить решительно все на пользу себе, только он располагает всем по своему усмотрению, только он действительно деятелен - он господствует над всем и царит; все прочее слепо, глухо, бездушно. Правда, мы заставляем его быть угодливым и трусливым, дабы не предоставить ему свободы действовать хоть в чем-нибудь самостоятельно. Кто же спрашивает ученика о его мнении относительно риторики и грамматики, о том или ином изречении Цицерона? Их вколачивают в нашу память в совершенно готовом виде, как некие оракулы, в которых буквы и слоги заменяют сущность вещей. Но знать наизусть еще вовсе не значит знать; это - только держать в памяти то, что ей дали на хранение. А тем, что знаешь по-настоящему, ты вправе распорядиться, не оглядываясь на хозяина, не заглядывая в книгу. Ученость чисто книжного происхождения жалкая ученость! Я считаю, что она украшение, но никак не фундамент; в этом я следую Платону, который говорит, что истинная философия - это твердость, верность и добросовестность; прочие же знания и все, что направлено к другой цели, - не более как румяна.

Хотел бы я поглядеть, как Палюэль или Помпеи - эти превосходные танцовщики нашего времени - стали бы обучать пируэтам, только продевая их перед нами и не сдвигая нас с места. Точно так же многие наставники хотят образовать нам ум, не будоража его. Можно ли научить управлять конем, владеть копьем, лютней или голосом, не заставляя изо дня в день упражняться в этом, подобно тому как некоторые хотят научить нас здравым рассуждениям и искусной речи, не заставляя упражняться ни в рассуждениях, ни в речах? А между тем, при воспитании в нас этих способностей все, что представляется нашим глазам, стоит назидательной книги; проделка пажа, тупость слуги, застольная беседа - все это новая пища для нашего ума.

В этом отношении особенно полезно общение с другими людьми, а также поездки в чужие края, не для того, разумеется, чтобы, следуя обыкновению нашей французской знати, привозить с собой оттуда разного рода сведения - о том, например, сколько шагов имеет в ширину церковь Санта-Мария Ротонда [16], или до чего роскошны панталоны синьоры Ливии, или, подобно иным, насколько лицо Нерона на таком-то древнем изваянии длиннее и шире его же изображения на такой-то медали, но для того, чтобы вывезти оттуда знание духа этих народов и их образа жизни, и для того также, чтобы отточить и отшлифовать свой ум в соприкосновении с умами других. Я бы советовал посыпать нашу молодежь за границу в возможно более раннем возрасте и, чтобы одним ударом убить двух зайцев, именно к тем из наших соседей, чья речь наименее близка к нашей, так что, если не приучить к ней свой язык смолоду, то потом уж никак ее не усвоить.

Недаром все считают, что неразумно воспитывать ребенка под крылышком у родителей. Вложенная в последних самой природой любовь внушает даже самым разумным из них чрезмерную мягкость и снисходительность. Они не способны ни наказывать своих детей за проступки, ни допускать, чтобы те узнали тяжелые стороны жизни, подвергаясь некоторым опасностям. Они не могут примириться с тем, что их дети после различных упражнений возвращаются потными и перепачкавшимися, что они пьют, как придется, то теплое, то слишком холодное; они не могут видеть их верхом на норовистом коне или фехтующими с рапирой в руке с сильным противником, или когда они впервые берутся за аркебузу. Но ведь тут ничего не поделаешь: кто желает, чтобы его сын вырос настоящим мужчиной, тот должен понять, что молодежь от всего этого не уберечь и что тут, хочешь не хочешь, а нередко приходится поступаться предписаниями медицины:

*Vitamque sub divo et trepidis agat
In rebus [17].*

недостаточно закалять душу ребенка; столь же необходимо закалять и его тело. Наша душа слишком перегружена заботами, если у нее нет должного помощника; на нее тогда возлагается непосильное бремя, так как она несет его за двоих. Я-то хорошо знаю, как тяжело приходится моей душе в компании со столь нежным и чувствительным, как у меня, телом, которое постоянно ищет ее поддержки. И, читая различных авторов, я не раз замечал, что то, что они выдают за величие духа и мужество, в гораздо большей степени свидетельствует о толстой коже и крепких костях. Мне довелось встречать мужчин, женщин и детей, настолько нечувствительных от природы, что удары палкою значили для них меньше, чем для меня щелчок по носу: получив удар, такие люди не только не вскрикнут, но даже и бровью не поведут. Когда атлеты своею выносливостью уподобляются философам, то здесь скорее оказывается крепость их мышц, нежели твердость души. Ибо привычка терпеливо трудиться - это то же, что привычка терпеливо переносить боль: *labor callum*

Монтель Мишель О воспитании детей filosoff.org
obducit dolori [18]. Нужно закалять свое тело тяжелыми и суровыми упражнениями, чтобы приучить его стойко переносить боль и страдания от вывихов, колик, прижиганий и даже от мук тюремного заключения и пыток. Ибо надо быть готовым в к этим последним; ведь в иные времена и добрые разделяют порой участь злых. Мы хорошо знаем это по себе! Кто ниспровергает законы, тот грозит самим добропорядочным людям бичом и веревкой. Добавлю еще, что и авторитет воспитателя, который для ученика должен быть непререкаемым, страдает и расшатывается от такого вмешательства родителей. Кроме того, почтительность, которой окружает ребенка челядь,, а также его осведомленность о богатстве и величии своего рода являются, на мой взгляд, немалыми помехами в правильном воспитании детей этого возраста.

что до той школы, которой является общение с другими людьми, то тут я нередко сталкивался с одним обычным пороком: вместо того, чтобы стремиться узнать других, мы хлопочем только о том, как бы выставить напоказ себя, и наши заботы направлены скорее на то, чтобы не дать залежаться своему товару, нежели чтобы приобрести для себя новый. Молчаливость и скромность – качества, в обществе весьма ценные. Ребенка следует приучать к тому, чтобы он был бережлив и воздержан в расходовании знаний, которые он накопит; чтобы он не оспаривал глупостей и вздорных выдумок, высказанных в его присутствии, ибо весьма невежливо и нелюбезно отвергать то, что нам не по вкусу. Пусть он довольствуется исправлением самого себя и не корит другого за то, что ему самому не по сердцу; пусть он не восстает также против общепринятых обычаев. *Licet sapere sine rompa, sine invidia* [19]. Пусть он избегает придавать себе заносчивый и надменный вид, избегает ребяческого тщеславия, состоящего в желании выделяться среди других и прослыть умнее других, пусть не стремится прослыть человеком, который бранит все и вся и пыжится выдумать что-то новое. Подобно тому как лишь великим поэтам пристало разрешать себе вольности в своем искусстве, так лишь великим и возвышенным душам дозволено ставить себя выше обычая. *Si quid Socrates et Aristippus contra morem et consuetudinem fecerint, idem sibi ne arbitretur licere: magnis enim illi et divinis bonis hanc licentiam assequebantur* [20]. Следует научить ребенка вступать в беседу или в спор только в том случае, если он найдет, что противник достоин подобной борьбы; его нужно научить также не применять все те возражения, которые могут ему пригодиться, но только сильнейшие из них. Надо приучить его тщательно выбирать доводы, отдавая предпочтение наиболее точным, а следовательно, и кратким. Но, прежде всего, пусть научат его склоняться перед истиной и складывать перед нею оружие, лишь только он увидит ее, независимо от того, открылась ли она его противнику или озарила его самого. Ведь ему не придется подыматься на кафедру, чтобы читать предписанное заранее. Ничто не обязывает его защищать мнения, с которыми он не согласен. Он не принадлежит к тем, кто продает за наличные денежки право признаваться в своих грехах и каяться в них. *Neque, ut omnia quae praescripta et imperata sint, defendat, necessitate ulla cogitur* [21].

Если его наставником будет человек такого же склада, как я, он постарается пробудить в нем желание быть верноподанным, беззаветно преданным и беззаветно храбрым слугой своего государя; но, вместе с тем, он и охладит пыл своего питомца, если тот проникается к государю привязанностью иного рода, нежели та, какой требует от нас общественный долг. Не говоря уже о всевозможных стеснениях, налагаемых на нас этими особыми узами, высказывания человека, нанятого или подкупленного, либо не так искренни и свободны, либо могут быть приняты за проявление неразумия или неблагодарности. Придворный не волен – да и далек от желания – говорить о своем повелителе иначе, как только хорошее; ведь среди стольких тысяч подданных государь отличил его, дабы осыпать своими милостями и возвысить над остальными. Эта монаршая благосклонность и связанные с ней выгоды убивают в нем, естественно, искренность и ослепляют его. Вот почему мы видим, что язык этих господ отличается, как правило, от языка всех прочих сословий и что слова их не очень-то достойны доверия.

Пусть совесть и добродетели ученика находят отражение в его речи и не знают иного руководителя, кроме разума. Пусть его заставят понять, что признаться в ошибке, допущенной им в своем рассуждении, даже если она никем, кроме него, не замечена, есть свидетельство ума и чистосердечия, к чему он в первую очередь и должен стремиться; что упорствовать в своих заблуждениях и отстаивать их – свойства весьма обыденные, присущие чаще всего наиболее низменным душам, и что умение одуматься и поправить себя, сознаться в своей ошибке в пылу спора качества редкие, ценные и свойственные философам.

Его следует также наставлять, чтобы, бывая в обществе, он присматривался ко всему и ко всем, ибо я нахожу, что наиболее высокого положения достигают обычно не слишком способные и что судьба осыпает своими дарами отнюдь не

самых достойных. Так, например, я не раз наблюдал, как на верхнем конце стола, за разговором о красоте какойнибудь шпалеры или с вкусе мальвазии, упускали много любопытного из того, что говорилось на противоположном конце. Он должен добраться до нутра всякого, кого бы ни встретил - пастуха, каменщика, прохожего; нужно использовать все и взять от каждого по его возможностям, ибо все, решительно все пригодится, - даже чьи-либо глупость и недостатки содержат в себе нечто поучительное. Оценивая достоинства и свойства каждого, юноша воспитывает в себе влечение к их хорошим чертам и презрение к дурным.

Пусть в его душе пробудят благородную любознательность, пусть он осведомляется обо всем без исключения; пусть осматривает все примечательное, что только ему ни встретится, будь то какое-нибудь здание, фонтан, человек, поле битвы, происходившей в древности, места, по которым проходили Цезарь или Карл Великий:

*Quae tellus sit lenta gelu, quae putris ad aestu,
Ventus in Italiam quis bene vela ferat [22].*

Пусть он осведомляется о нравах, о доходах и связях того или иного государя. Знакомиться со всем этим весьма занимательно и знать очень полезно.

В это общение с людьми я включаю, конечно, и притом в первую очередь, и общение с теми, воспоминание о которых живет только в книгах. Обратившись к истории, юноша будет общаться с великими душами лучших веков. Подобное изучение прошлого для иного - праздная трата времени; другому же оно приносит неоценимую пользу. История - единственная наука, которую чтили, по словам Платона [23], лакедемоняне. Каких только приобретений не сделает он для себя, читая жизнеописания нашего милого Плутарха! Пусть, однако, наш воспитатель не забывает, что он старается запечатлеть в памяти ученика не столько дату разрушения Карфагена, сколько нравы Ганнибала и Сципиона; не столько то, где умер Марцелл, сколько то, почему, окончив жизнь так-то и так-то, он принял недостойную его положения смерть [24]. Пусть он преподаст юноше не столько знания исторических фактов, сколько умение судить о них. Это, по-моему, в ряду прочих наук именно та область знания, к которой наши умы подходят с самыми разнообразными мерками. Я вычитал у Тита Ливия сотни таких вещей, которых иной не приметил; Плутарх же - сотни таких, которых не сумел вычитать я, и, при случае, даже такое, чего не имел в виду и сам автор. Для одних - это чисто грамматические занятия, для других - анатомия, философия, открывающая нам доступ в наиболее сокровенные тайники нашей натуры. У Плутарха мы можем найти множество пространнейших рассуждений, достойных самого пристального внимания, ибо, на мой взгляд он в этом великий мастер, но вместе с тем и тысячи таких вещей, которых он касается только слегка. Он всегда лишь указывает пальцем, куда нам идти, если мы того пожелаем; иногда он довольствуется тем, что обронит мимоходом намек, хотя бы дело шло о самом важном и основном. Все эти вещи нужно извлечь из него и выставить напоказ. Так, например, его замечание о том, что жители Азии были рабами одного-единственного монарха, потому что не умели произнести один-единственный слог "нет", дало, быть может, Ла Боэси тему и повод к написанию "добровольного рабства" [25]. Иной раз он также отмечает какой-нибудь незначительный с виду поступок человека или его брошенное вскользь словечко, - а на деле это стоит целого рассуждения. До чего досадно, что люди выдающегося ума так любят краткость! Слава их от этого, без сомнения, возрастает, но мы остаемся в накладе. Плутарху важнее, чтобы мы восхваляли его за ум, чем за знания; он предпочитает оставить нас алчущими, лишь бы мы не ощущали себя пресыщенными. Ему было отлично известно, что даже тогда, когда речь идет об очень хороших вещах, можно наговорить много лишнего и что Александр бросил вполне справедливый упрек тому из ораторов, который обратился к эфорам с прекрасной, но слишком длинной речью: "О чужестранец, ты говоришь то, что должно, но не так, как должно" [26]. У кого тощее тело, тот напяливает на себя много одежек; у кого скучная мысль, тот приукрашивает ее напыщенными словами.

В общении с людьми ум человеческий достигает изумительной ясности. Ведь мы погружены в себя, замкнулись в себе; наш кругозор крайне узок, мы не видим дальше своего носа. У Сократа как-то спросили, откуда он родом. Он не ответил: "Из Афин", а сказал: "Из вселенной". Этот мудрец, мысль которого отличалась такой широтой и таким богатством, смотрел на вселенную как на свой родной город, отдавая свои знания, себя самого, свою любовь всему человечеству, - не так, как мы, замечающие лишь то, что у нас под ногами. Когда у меня в деревне случается, что виноградники прихватит морозом, наш священник объясняет это тем, что род человеческий прогневил бога, и считает, что по этой же самой причине и каннибалам на другом конце света нечем промочить себе горло. Кто, глядя на наши гражданские войны, не восклицает: весь мир рушится и близится светопреставление, забывая при

Монтель Мишель О воспитании детей filosoff.org

этом, что бывали еще худшие вещи и что тысячи других государств наслаждаются в это самое время полнейшим благополучием? Я же, памятуя о царящей среди нас распущенности и безнаказанности, склонен удивляться тому, что войны эти протекают еще так мягко и безболезненно. Кого град молотит по голове, тому кажется, будто все полуширье охвачено грозою и бурей. Говорил же один уроженец Савойи, что, если бы этот дурень, французский король, умел толково вести свои дела, он, пожалуй, годился бы в дворецкие к его герцогу. Ум этого савойца не мог представить себе ничего более величественного, чем его государь. В таком же заблуждении, сами того не сознавая, находимся и мы, а заблуждение это, между тем, влечет за собой большие последствия и приносит огромный вред. Но кто способен представить себе, как на картине, великий облик нашей матери-природы во всем ее царственном великолепии; кто умеет подметить ее бесконечно изменчивые и разнообразные черты; кто ощущает себя, - не только себя, но и целое королевство, - как крошечную, едва приметную крапинку в ее необъятном целом, только тот и способен оценивать вещи в соответствии с их действительными размерами.

Этот огромный мир, многократно увеличиваемый к тому же теми, кто рассматривает его как вид внутри рода, и есть то зеркало, в которое нам нужно смотреться, дабы познать себя до конца. Короче говоря, я хочу, чтобы он был книгой для моего юноши. Познакомившись со столь великим разнообразием характеров, сект, суждений, взглядов, обычаев и законов, мы научаемся здраво судить о собственных, а также приучаем наш ум понимать его несовершенство и его врожденную немощность; а ведь это наука не из особенно легких. Картина стольких государственных смут и смен в судьбах различных народов учит нас не слишком гордиться собой. Столько имен, столько побед и завоеваний, погребенных в пыли забвения, делают смешною нашу надежду увековечивать в истории свое имя захватом какого-нибудь курятника, ставшего сколько-нибудь известным только после своего падения, или взятием в плен десятка конных вояк. Пышные и горделивые торжества в других государствах, величие и надменность стольких властителей и дворов укрепят наше зрение и помогут смотреть, не щурясь, на блеск нашего собственного двора и властителя, а также преодолеть страх перед смертью и спокойно отойти в иной мир, где нас ожидает столь отменное общество. То же и со всем остальным.

Паша жизнь, говорил Пифагор, напоминает собой большое и многолюдное сорожище на олимпийских играх. Одни упражняют там свое тело, чтобы завоевать себе славу на состязаниях, другие ташат туда для продажи товары, чтобы извлечь из этого прибыль. Но есть и такие - и они не из худших, - которые не ищут здесь никакой выгоды: они хотят лишь посмотреть, каким образом и зачем делается то-то и то-то, они хотят быть попросту зрителями, наблюдающими жизнь других, чтобы вернее судить о ней и соответственным образом устроить свою.

За примерами могут естественно последовать наиболее полезные философские правила, с которыми надлежит соразмерять человеческие поступки. Пусть наставник расскажет своему питомцу,

quid fas optare: quid asper

Utile nummus habet; patriae carisque propinquis

Quantum elargiri deceat; quem te deus esse

Iussit, et humana qua parte locutus es in re:

Quid sumus, aut quidnam victuri gignimur [27];

что означает: знать и не знать; какова цель познания; что такое храбрость, воздержанность и справедливость; в чем различие между жадностью и честолюбием, рабством и подчинением, распущенностью и свободою: какие признаки позволяют распознавать истинное и устойчивое довольство; до каких пределов допустимо страшиться смерти, боли или бесчестия,

Et quo quemque modo fugiatque feratque laborem [28];

какие пружины приводят нас в действие и каким образом в нас возникают столь разнообразные побуждения. Ибо я полагаю, что рассуждениями, долженствующими в первую очередь напитать его ум, должны быть те, которые предназначены внести порядок в его нравы и чувства, научить его познавать самого себя, а также жить и умереть подобающим образом. Переходя к свободным искусствам, мы начнем с того между ними, которое делает нас свободными.

Все они в той или иной мере наставляют нас, как жить и как пользоваться жизнью, - какой цели, впрочем, служит и все остальное. Остановим, однако, свой выбор на том из этих искусств, которое прямо направлено к ней и которое служит ей непосредственно.

Если бы нам удалось свести потребности нашей жизни к их естественным и законным границам, мы нашли бы, что большая часть обиходных знаний не нужна в обиходе; и что даже в тех науках, которые так или иначе находят себе применение, все же обнаруживается множество никому не нужных сложностей и подробностей, таких, какие можно было бы отбросить, ограничившись, по

Монтель Мишель О воспитании детей filosoff.org
совету Сократа, изучением лишь бесспорно полезного [29].

Sapere aude,

*Incipe: vivendi recte qui prorogat horam,
Rusticus exspectat dum defluat amnis; at ille
Labitur, et labetur in omne volubilis aevum [30].
Величайшее недомыслие – учить наших детей тому,
Quid moveant Pisces, animosaque signa Leonis,
Lotus et Hesperia quid Capricornus aqua [31].*

или науке о звездах и движении восьмой сферы раньше, чем науке об их собственных душевных движениях:

Ti Pleidessi kamoi

Ti d'astrasi Bowtew [32]

Анаксимен [33] писал Пифагору: "Могу ли я увлекаться тайнами звезд, когда у меня вечно пред глазами смерть или рабство?" (Ибо это было в то время, когда цари Персии готовились идти походом на его родину). Каждый должен сказать себе: "Будучи одержим честолюбием, жадностью, безрассудством, суевериями и чувствуя, что меня раздирает множество других вражеских сил, угрожающих моей жизни, буду ли я задумываться над круговоротом небесных сфер?"

После того как юноше разъяснят, что же собственно ему нужно, чтобы сделаться лучше и разумнее, следует ознакомить его с основами логики, физики, геометрии и риторики; и какую бы из этих наук он ни выбрал, раз его ум к этому времени будет уже развит, – он быстро достигнет в ней успехов. Преподавать ему должно то путем собеседования, то с помощью книг; иной раз наставник просто укажет ему подходящего для этой цели автора, а иной раз он изложит содержание и сущность книги в совершенно разжеванном виде. А если сам воспитатель не настолько сведущ в книгах, чтобы отыскивать в них подходящие для его целей места, то можно дать ему в помощь какого-нибудь ученого человека, который каждый раз будет снабжать его тем, что требуется, а наставник потом уже сам укажет и предложит их своему питомцу. Можно ли сомневаться, что подобное обучение многое приятнее и естественнее, чем преподавание по способу Газы [34]? Там – докучные и трудные правила, слова, пустые и как бы бесплотные; ничто не влечет вас к себе, ничто не будит ума. Здесь же наша душа не останется без прибытка, здесь найдется, чем и где поживиться. Плоды здесь несравненно более крупные и созревают они быстрее.

Странное дело, но в наш век философия, даже для людей мыслящих, всего лишь пустое слово, которое, в сущности, ничего не означает; она не находит себе применения и не имеет никакой ценности ни в чьих-либо глазах, ни на деле. Полагаю, что причина этого – бесконечные словопрения, в которых она погрязла. Глубоко ошибаются те, кто изображает ее недоступною для детей, с нахмуренным лицом, с большими косматыми бровями, внушающими страх. Кто напялил на нее эту обманчивую маску, такую тусклую и отвратительную? На деле же не сыскать ничего другого столь милого, бодрого, радостного, чуть было не сказал шаловливого. Философия призывает только к праздности и веселью. Если перед вами нечто печальное и унылое – значит философии тут нет и в помине. Деметрий Грамматик, наткнувшись в дельфийском храме на кучку сидевших вместе философов, сказал им: "Или я заблуждаюсь, или, – судя по вашему столь мирному и веселому настроению, – вы беседуете о пустяках". На что один из них – это был Гераклеон из Мегары – ответил: "Морщить лоб, беседуя о науке, – это удел тех, кто предается спорам, требуется ли в будущем времени глагола *ballw* две ламбды или одна или как образована сравнительная степень *ceiron* и *beltion* и превосходная *seiriton* и *beltiton* [35]. Что же касается философских бесед, то они имеют свойство веселить и радовать тех, кто участвует в них, и отнюдь не заставляют хмурить лоб и предаваться печали".

Deprendas animi tormenta in aegro

*Corpore, deprendas et gaudia; sumit utrumque
Inde hablum facles [36].*

Душа, ставшая вместилищем философии, непременно наполнит здоровьем и тело. Царящие в ней покой и довольство она не может не излучать вовне; точно так же она изменит по своему образу и подобию нашу внешность, придав ей исполненную достоинства гордость, веселость и живость, выражение удовлетворенности и добродушия. Отличительный признак мудрости – это неизменно радостное восприятие жизни; ей, как и всему, что в надлунном мире, свойственна никогда не утрачиваемая ясность. Это *baroco* и *baralipiton* [37] марают и прокапывают своих почитателей, а вовсе не она; впрочем, она известна им лишь понаслышке. В самом деле, это она успокаивает душевые бури, научает сносить с улыбкой болезни и голод не при помощи каких-то воображаемых эпизиков [38], но опираясь на вполне осознательные, естественные доводы разума. Ее конечная цель добродетель, которая пребывает вовсе не где-то, как утверждают сколастики, на вершине крутой, отвесной и

Монтель Мишель О воспитании детей filosoff.org
неприступной горы. Те, кому доводилось приблизиться к добродетели, утверждают, напротив, что она обитает на прелестном, плодородном и цветущем плоскогорье, откуда отчетливо видят все находящееся под нею; достигнуть ее может, однако, лишь тот, кому известно место ее обитания; к ней ведут тенистые тропы, пролегающие среди поросших травой и цветами лужаек, по пологому, удобному для подъема и гладкому, как своды небесные, склону. Но так как тем мнимым философам, о которых я говорю, не удалось познакомиться с этой вышею добродетелью, прекрасной, торжествующей, любвеобильной, кроткой, но вместе с тем, и мужественной, питающей непримиримую ненависть к злобе, неудовольствию, страху и гнету, имеющей своим путеводителем природу, а спутниками - счастье и наслаждение, то, по своей слабости, они придумали этот глупый и ни на что не похожий образ: унылую, сварливую, привередливую, угрожающую, злобную добродетель, и водрузили ее на уединенной скале, среди терниев, превратив ее в пугало, устрашающее род человеческий.

Мой воспитатель, сознавая свой долг, состоящий в том, чтобы вселить в воспитаннике желание не только уважать, но в равной, а то и в большей мере и любить добродетель, разъясняет ему, что поэты, подобно всем остальным, подвержены тем же слабостям; он также растолкует ему, что даже боги, и те прилагали гораздо больше усилий, чтобы проникнуть в покой Венеры, нежели в покой Паллады. И когда его ученик начнет испытывать свойственное молодым людям томление, он представит ему Брадаманту и рядом с нею Анджелику [39] как возможные предметы его обожания: первую во всей ее непосредственной, не ведающей о себе красоте, - деятельную, благородную, мужественную, но никоим образом не мужеподобную, и вторую, исполненную женственной прелести, - изнеженную, хрупкую, изощренную, жеманную; одну - одетую юношей, с головой, увенчанной сверкающим шишаком шлема, другую - в девичьем наряде, с повязкой, изукрашенной жемчугом, в волосах. И остановив свой выбор совсем не на той, которой отдал бы предпочтение этот женоподобный фригийский пастух [40], юноша докажет своему воспитателю, что его любовь достойна мужчины. Пусть его воспитатель преподаст ему и такой урок: ценность и возвышенность истинной добродетели определяются легкостью, пользой и удовольствием ее соблюдения; бремя ее настолько ничтожно, что нести его могут как взрослые, так и дети, как те, кто прост, так и те, кто хитер. Упорядоченности, не силы, вот чего она от нас требует. И Сократ, первейший ее любимец, сознательно забыл о своей силе, чтобы радостно и бесхитростно отдаться усовершенствованию в ней. Это - мать-кормилица человеческих наслаждений. Вводя их в законные рамки, она придает им чистоту и устойчивость; умеряя их, она сохраняет их свежесть и привлекательность. Отметая те, которые она считает недостойными, она обостряет в нас влечение к дозволенным ею; таких - великое множество, ибо она доставляет нам с материнской щедростью до полного насыщения, а то и пресыщения, все то, что согласно с требованиями природы. Ведь не станем же мы утверждать, что известные ограничения, ограждающие любителя выпить от пьянства, обжору от несварения желудка и распутника от лысины во всю голову, - враги человеческих наслаждений! Если обычная житейская удача не достается на долю добродетели, эта последняя отворачивается от нее, обходится без нее и выковывает себе свою собственную фортуну, менее шаткую и изменчивую. Она может быть богатой, могущественной и ученой и возлежать на раздувшемся ложе. Она любит жизнь, любит красоту, славу, здоровье. Но главная и основная ее задача - научить пользоваться этими благами, соблюдая известную меру, а также сохранять твердость, теряя их, - задача более благородная, нежели тягостная, ибо без этого течение нашей жизни искается, мутнеет, уродуется; тут нас подстерегают подводные камни, пучины и всякие чудовища. Если же ученик проявит не отвечающие нашим чаяньям склонности, если он предпочтет побасенки занимательному рассказу о путешествии или назидательным речам, которые мог бы услышать; если, заслышив барабанный бой, разжигающий воинственный пыл его юных товарищей, он обратит свой слух к другому барабану, сзывающему на представление ярмарочных плясунов; если он не сочтет более сладостным и привлекательным возвращаться в пыли и грязи, но с победою с поля сражения, чем с призом после состязания в мяч или танцев, то я не вижу никаких иных средств, кроме следующих: пусть воспитатель - и чем раньше, тем лучше, причем, разумеется, без свидетелей, - удавит его или отошлет в какой-нибудь торговый город и отдаст в ученики пекарю, будь он даже герцогским сыном. Ибо, согласно наставлению Платона, "детям нужно определять место в жизни не в зависимости от способностей их отца, но от способностей их души".

Поскольку философия учит жизни и детский возраст совершенно так же нуждается в подобных уроках, как и все прочие возрасты, - почему бы не приобщить к ней и детей?

*Udum et molle lutum est; nunc nunc properandus et acri
Fingndus sine fine rota [41].*

Монтель Мишель О воспитании детей filosoff.org

А между тем нас учат жить, когда жизнь уже прошла. Сотни школьников заражаются сифилисом прежде, чем дойдут до того урока из Аристотеля, который посвящен воздержанию. Цицерон говорил, что, проживи он даже двойную жизнь, все равно у него не нашлось бы досуга для изучения лирических поэтов. Что до меня, то я смотрю на них с еще большим презрением – это совершенно бесполезные болтуны. Нашему юноше приходится еще более торопиться; ведь учению могут быть отданы лишь первые пятнадцать–шестнадцать лет его жизни, а остальное предназначено деятельности. Используем же столь краткий срок, как следует; научим его только необходимому. Не нужно излишеств: откиньте все эти колючие хитросплетения диалектики, от которых наша жизнь не становится лучше; остановитесь на простейших положениях философии и сумейте надлежащим образом отобрать и истолковать их; ведь постигнуть их много легче, чем новеллу Боккаччо, и дитя, едва выйдя из рук кормилицы, готово к их восприятию в большей мере, чем к искусству чтения и письма. У философии есть свои рассуждения как для тех, кто вступает в жизнь, так и для дряхлых старцев.

Я согласен с Платоном, что Аристотель занимался со своим великим учеником не столько премудростью составления силлогизмов и основами геометрии, сколько стремился внушить ему добрые правила по части того, что относится к доблести, смелости, великодушию, воздержанности и не ведающей страха уверенности в себе; с таким снаряжением он и отправил его, совсем еще мальчика, завоевывать мир, располагая всего лишь тридцатью тысячами пехотинцев, четырьмя тысячами всадников и сорока двумя тысячами экипажами. Что до прочих наук и искусств, то, как говорит Платон, хотя Александр и относился к ним с большим почтением и восхвалял их пользу и великое достоинство, все же, несмотря на удовольствие, которое они ему доставляли, не легко было побудить его заниматься ими с охотой.

*Petite hinc, Juvenesque scnesque,
Finem animo certum, miserisque viatica canis [42].*

А вот что говорит Эпикур в начале своего письма к Меникею: "ни самый юный не бежит философии, ни самый старый не устает от нее" [43]. Кто поступает иначе, тот как бы показывает этим, что пора счастливой жизни для него либо еще не настала, либо уже прошла.

Поэтому я не хочу, чтобы нашего мальчика держали в неволе. Я не хочу оставлять его в жертву мрачному настроению какого-нибудь жестокого учителя. Я не хочу уродовать его душу, устраивая ему суший ад и принуждая, как это в обычай у иных, трудиться каждый день по четырнадцати или пятнадцати часов, словно он какой-нибудь грузчик. Если же он, склонный к уединению и меланхолии с чрезмерным усердием, которое в нем воспитали, будет корпеть над изучением книг, то и в этом, помоему, мало хорошего: это сделает его неспособным к общению с другими людьми и оттолкнет от более полезных занятий. И сколько же на своем веку перевидел я таких, которые, можно сказать, утратили человеческий облик из-за безрассудной страсти к науке! Карнеад [44] до такой степени ошелел от нее, что не мог найти времени, чтобы остричь себе волосы и ногти. Я не хочу, чтобы его благородный нрав огрубел в соприкосновении с дикостью и варварством. Французское благородное издавна вошло в поговорку, в качестве такого, однако, которое, хотя и сказывается весьма рано, но зато и держится недолго. И впрямь, трудно сыскать что-нибудь столь же прелестное, как маленькие дети во Франции; но, как правило, они обманывают наши надежды и, став взрослым, не обнаруживают в себе ничего выдающегося. Я слышал от людей рассудительных, что коллеги, куда их посыпали учиться, – их у нас теперь великое множество, – являются причиной такого их отупения.

Что касается нашего воспитанника, то для него все часы хороши и всякое место пригодно для занятий, будет ли то классная комната, сад, стол или постель, одиночество или компания, утро иль вечер, ибо философия, которая, образуя суждения и нравы людей, является главным предметом его изучения, имеет привилегию примешиваться решительно ко всему. И сократ-оратор, когда его попросили однажды во время пира произнести речь о своем искусстве, ответил – и всякий признает, что он был прав, – такими словами: "Для того, что я умею, сейчас не время; сейчас время для того, чего я не умею". Ибо, и в самом деле, произносить речи или пускаться в словесные ухищрения перед обществом, собравшимся, чтобы повеселиться и попировать, значило бы соединить вместе вещи несоединимые. То же самое можно было бы сказать и о всех прочих науках. Но когда речь заходит о философии и именно о том ее разделе, где рассматривается человек, а также в чем его долг и обязанности, то, согласно мнению всех мудрецов, дело здесь обстоит совсем по-иному, и от нее не подобает отказываться ни на пиру, ни на игрищах – так сладостна беседа о ней. И мы видим, как, явившись по приглашению Платона на его пир [45], она изящно и сообразно месту и времени развлекает присутствующих,

хотя и пускается в самые назидательные и возвышенные рассуждения:

Aequo rapi peribus prodest, locupletibus aequo;

Et neglecta, aequo pueris senibusque nocebit [46].

Таким образом, наш воспитанник, без сомнения, будет приывать в праздности меньше других. Но подобно тому, как шаги, которые мы делаем, прогуливаясь по галерее, будь их хоть в три раза больше, не утомляют нас в такой мере, как те, что затрачены на преодоление какой-нибудь определенной дороги, так и урок, проходя как бы случайно, без обязательного места и времени, в сочетании со всеми другими нашими действиями, будет протекать совсем незаметно. Даже игры и упражнения – и они станут неотъемлемой и довольно значительной частью обучения: я имею в виду бег, борьбу, музыку, танцы, охоту, верховую езду, фехтование. Я хочу, чтобы благовоспитанность, светскость, внешность ученика совершенствовались вместе с его душою. Ведь воспитывают не одну душу и не одно тело, но всего человека; нельзя расчленять его надвое. И, как говорит Платон, нельзя воспитывать то и другое порознь; напротив, нужно управлять ими, не делая между ними различия, так, как если бы это была пара впряженных в одно дышло коней [47]. И, слушая Платона, не кажется ли нам, что он уделяет и больше времени и больше старания телесным упражнениям, считая, что душа упражняется вместе с телом, а не наоборот?

Вообще же обучение должно основываться на соединении строгости с мягкостью, а не так, как это делается обычно, когда, вместо того, чтобы приохотить детей к науке, им преподносят ее как сплошной ужас и жестокость. Откажитесь от насилия и принуждения; нет ничего, по моему мнению, что так бы уродовало и извращало природу с хорошими задатками. Если вы хотите, чтобы ребенок боялся стыда и наказания, не приучайте его к этим вещам. Приучайте его к поту и холоду, к ветру и жгучему солнцу, ко всем опасностям, которые ему надлежит презирать; отвадьте его от изнеженности и разборчивости; пусть он относится с безразличием к тому, во что он одет, на какой постели спит, что ест и что пьет: пусть он привыкнет решительно ко всему. Пусть не будет он маменькиным сыночком, похожим на изнеженную девицу, но пусть будет сильным и крепким юношей. В юности, в зрелые годы, в старости – я всегда рассуждал и смотрел на дело именно так. И, наряду со многими другими вещами, порядки, заведенные в большинстве наших колледжей, никогда не нравились мне. Быть может, вред, приносимый ими, был бы значительно меньше, будь воспитатели хоть немножечко снисходительней. Но ведь это настоящие тюрьмы для заключенной в них молодежи. Там развиваются в ней развращенность, наказывая за нее прежде, чем она действительно проявилась. Зайдите в такой колледж во время занятий: вы не услышите ничего, кроме криков – криков школьников, подвергаемых порке, и криков учителей, ошалевших от гнева. Можно ли таким способом пробудить в детях охоту к занятиям, можно ли с такой страшной рожей, с плеткой в руках руководить этими пугливыми и нежными душами? Ложный и губительный способ! Добавим правильное замечание, сделанное на этот счет Квинтилианом: столь безгранична власть учителя чревата опаснейшими последствиями, особенно если учесть характер принятых у нас наказаний [48]. Настолько пристойнее было бы усыпать полы классных комнат цветами и листьями вместо окровавленных ивовых прутьев! Я велел бы там расписать стены изображениями Радости, Веселья, Флоры, Гракий, как это сделал у себя в школе философ Спевсипп [49]. Где для детей польза, там же должно быть для них и удовольствие. Когда кормишь ребенка, полезные для него кушанья надо подсахаривать, а к вредным примешивать желчь.

Поразительно, сколько внимания уделяет в своих "Законах" Платон веселениям и развлечениям молодежи в своем государстве; как подробно говорит он об их состязаниях в беге, играх, песнях, прыжках и плясках, руководство которыми и покровительство коим, по его словам, в древности было вверено самим божествам – Аполлону, музам, Минерве. Мы найдем у него тысячу предписаний касательно его гимнасий; книжные знаки его, однако, весьма мало интересуют, и он, мне кажется, советует заниматься поэзией только потому, что она связана с музыкой.

Нужно избегать всего странного и необычного в наших нравах и поведении, поскольку это мешает нам общаться с людьми и поскольку это вообще – уродство. Кто не удивился бы необычным свойствам кравчего Александра, Демофона, который обливался потом в тени и трясясь от озноба на солнце? Мне случалось видеть людей, которым был страшнее запах яблок, чем выстрелы из аркебуз, и таких, которые до смерти боялись мышей, и таких, которых начинало мутить, когда они видели сливки, и таких, которые не могли смотреть, когда при них взбивали перину, подобно тому как Германник [50] не выносил ни вида петухов, ни их пения. Возможно, что это происходит от какого-нибудь тайного свойства природы: но, по-моему, все это можно побороть, если вовремя взяться за дело. Я был воспитан так, что мой вкус, хоть и не без труда, приспособился ко всему, что подается к столу, за

исключением пива. Пока тело еще гибко, его нужно упражнять всеми способами и на все лады. И если воля и вкусы нашего юноши окажутся податливыми, нужно смело приучать его к образу жизни любого круга людей и любого народа, даже, при случае, к беспутству и излишествам, если это окажется нужным. Пусть он приспособливается к обычаям своего времени. Он должен уметь делать все без исключения, но любить делать должен только хорошее. Сами философы не одобряют поведения Каллисфена, утратившего благосклонность великого Александра из-за того, что он отказался пить так же много, как тот. Пусть юноша хочет, пусть шалит, пусть беспутничает вместе со своим государем. Я хотел бы, чтобы даже в разгуле он превосходил выносливостью и крепостью своих сотоварищей. И пусть он никому не причиняет вреда не по недостатку возможностей и умения, а лишь по недостатку злой воли. *Multum interest utrum recessare aliquis nolit aut nesciat* [51]. Как-то раз, находясь в веселой компании, я обратился к одному вельможе, который, пребывая во Франции, никогда не отличался беспорядочным образом жизни, с вопросом, сколько раз в жизни ему пришлось напиться, находясь на королевской службе в Германии. Задавая этот вопрос, я имел в виду выразить ему свое уважение, и он так этот и принял. Он ответил, что это случилось с ним трижды, и тут же рассказал, при каких обстоятельствах это произошло. Я знаю лиц, которые, не обладая способностями подобного рода, попадали в весьма тяжелое положение, ведя дела с этой нацией. Не раз восхищался я удивительной натурой Алкивиада [52], который с такой легкостью умел приспособляться, без всякого ущерба для своего здоровья, к самым различным условиям, то превосходя роскошью и великолепием самих персов, то воздержанностью и строгостью нравов – лакедемонян, то поражая всех своих целомудрием, когда был в Спарте, то сладострастием, когда находился в Ионии.

Omnis Aristippum decuit color, et status, et res [53].

Таким хотел бы я воспитывать и моего питомца,

quem duplici panno patientia velat

Mirabor, vltae via si conversa decebit,

Personamque feret non inconcinnus utramque [54].

Вот мои наставления. И больше пользы извлечет из них не тот, кто их заучит, а тот, кто применит их на деле. Если вы это видите, вы это и слышите; если вы это слышите, вы это и видите.

Да не допустит бог, говорит кто-то у Платона, чтобы занятия философией состояли лишь в усвоении разнообразных знаний и погружении в науку! *Hanc amplissimam omnium artium bene vivendi disciplinam vita magis quam litteris persecuti sunt* [55].

Леон, правитель Флиунта, спросил как-то Гераклида Понтийского, какой наукой или каким искусством он занимается. "Я не знаю ни наук, ни искусства, – ответил тот, – я – философ" [56].

Диогена упрекали в том, что, будучи невежественным в науках, он решается браться за философию. "Я берусь за нее, – сказал он в ответ, с тем большими основаниями". Гегесий [57] попросил его прочитать ему какую-то книгу. "Ты смешишь меня! – отвечал Диоген. – Ведь ты предпочитаешь настоящие фиги нарисованным, – так почему же тебе больше нравятся не действительные деяния, а рассказы о них?"

Пусть наш юноша научится не столько отвечать уроки, сколько претворять их в жизнь. Пусть он повторяет их в своих действиях. И тогда будет видно, лежит ли благородство в основе его начинаний, проявляет ли он справедливость и доброту в своем поведении, ум и изящество в речах, стойкость в болезнях, скромность в забавах, умеренность в наслаждениях, неприхотливость в питье и пище, – будет ли то мясо или же рыба, вино или вода, – умеет ли соблюдать порядок в своих домашних делах: *Qui disciplinam suam, non ostentationem scientiae, sed legem vitae putet, quique obtemperet ipse sibi, et decretis pareat* [58].

Подлинным зеркалом нашего образа мыслей является наша жизнь.

Зевксидам ответил человеку, спросившему его, почему лакедемоняне не излагают письменно своих предписаний относительно доблести и не дают их в таком виде читать молодежи: "Потому, что они хотят приучить ее к делам, а не к словам" [59]. Сравните их юношу пятнадцати или шестнадцати лет с одним из наших латинистов-школьников, который затратил столько же времени только на то, чтобы научиться как следует говорить. Свет слишком болтлив; я не встречал еще человека, который говорил бы не больше, а меньше, чем полагается; во всяком случае, половина нашей жизни уходит на разговоры. Четыре или пять лет нас учат правильно понимать слова и строить из них фразы; еще столько же – объединять фразы в небольшие рассуждения из четырех или даже пяти частей; и последние пять, если они не больше – уменьшенно ловко сочетать и переплетать эти рассуждения между собой. Оставим это занятие тем, кто сделал его своим ремеслом.

Направляясь как-то в Орлеан, я встретил на равнине около Клери двух

школьных учителей, шедших в Бордо на расстоянии примерно пятидесяти шагов один позади другого. Еще дальше, за ними, я увидел военный отряд во главе с офицером, которым оказался не кто иной, как граф де Ларошфуко, ныне покойный. Один из сопровождавших меня людей спросил первого из учителей, кто этот дворянин. Тот, не заметив шедших подальше солдат и думая, что с ним говорят о его товарище, презабавно ответил: "Он вовсе не дворянин; это - грамматик, а что до меня, то я - логик". Но поскольку мы стараемся воспитать не логика или грамматика, а дворянина, предоставим им располагать своим временем столь нелепо, как им будет угодно; а нас ждут другие дела. Итак, лишь бы наш питомец научился как следует делам; слова же придут сами собой, - а если не захотят прийти, то он притащит их силой. Мне приходилось слышать, как некоторые уверяют, будто их голова полна всяких прекрасных мыслей, да только выразить их они не умеют: во всем, мол, виновато отсутствие у них красноречия. Но это - пустые отговорки! На мой взгляд, дело обстоит так. В головах у этих людей носятся какие-то бесформенные образы и обрывки мыслей, которые они не в состоянии привести в порядок и уяснить себе, а стало быть, и передать другим: они еще не научились понимать самих себя. И хотя они лепечут что-то как будто бы уже готовое родиться, вы ясно видите, что это скорей похоже на зачатие, чем на роды, и что они только подбираются издали к смутно мелькающей перед ними мысли. Я полагаю, - и в этом я могу опереться на Сократа, - что тот, у кого в голове сложилось о чем-либо живое и ясное представление, сумеет передать его на любом, хотя бы на тарабарском наречии, а если он немой, то с помощью мимики:

Verbaque praevisam rem non invita sequentur [60].

Как выразился - хотя и прозой, но весьма поэтически - Сенека: *cum res animum occupavere verba ambient [61]*. Или, как говорил другой древний автор: *Ipsae res verba rapiunt [62]*. Не беда, если мой питомец никогда не слышал о творительном падеже, о сослагательном падеже, и о существительном и вообще из грамматики знает не больше, чем его лакей или уличная торговка селедками. Да ведь этот самый лакей и эта торговка, лишь дай им волю, наговорят с три короба и сделают при этом не больше ошибок против правил своего родного языка, чем первыйший магистр наук во Франции. Пусть наш ученик не знает риторики, пусть не умеет в предисловии снискать благоволение доверчивого читателя, но ему и не нужно знать всех этих вещей. Ведь, говоря по правде, все эти роскошные украшения легко затмеваются светом, излучаемым простой и бесхитростной истиной. Эти завитушки могут увлечь только невежд, неспособных вкусить от чего-либо более основательного и жесткого, как это отчетливо показано Апром у Тацита [63]. Послы самосцев явились к Клеомену, царю Спарты, приготовив прекрасную и пространную речь, которою хотели склонить его к войне с тираном Поликратом. Дав им возможность высказаться, Клеомен ответил: "Что касается зачина и вступления вашей речи, то я их забыл, равно как и середину ее, ну а что касается заключения, то я не согласен". Вот, как мне представляется, прекрасный ответ, оставивший этих говорунов с носом.

А что вы скажете о следующем примере? Афинянам надлежало сделать выбор между двумя строителями, предлагавшими свои услуги для возведения какого-то крупного здания. Один, более хитроумный, выступил с великолепной, заранее обдуманной речью о том, каким следует быть этому строению, и почти склонил народ на свою сторону. другой же ограничился следующими словами: "Мужи афинские, что он сказал, то я сделаю".

Многие восхищались красноречием Цицерона в пору его расцвета; но Катон лишь подсмеивался над ним: "У нас, - говорил он, - презабавный консул". В конце ли, в начале ли речи, полезное изречение или меткое словцо всегда уместно. И если оно не подходит ни к тому, что ему предшествует, ни к тому, что за ним следует, оно все же хорошо само по себе. Я не принадлежу к числу тех, кто считает, что раз в стихотворении безупречен размер, то значит и все оно безупречно; по-моему, если поэт где-нибудь вместо краткого слога поставит долгий, беда не велика, лишь бы стихотворение звучало приятно, лишь бы оно обладало глубоким смыслом и содержанием - и я скажу, что перед нами хороший поэт, хоть и плохой стихотворец:

Emunctae naris, durua componere versus [64].

Удалите, говорил Гораций, из его стихотворения чередование долгих и кратких слогов, удалите из него размеры,

*Tempora certa modosque, et quod priua ordine verbum eat,
Posterius facias, praeponens ultima primis,
Invenias etiam disiecti membra poetae [65].*

оно не станет от этого хуже; даже отдельные части его будут прекрасны. Вот что ответил Менандр [66] бравившим его за то, что он еще не притронулся к обещанной им комедии, хотя назначенный для ее окончания срок уже истекал: "Она полностью сочинена и готова; остается только изложить это в стихах".

Монтель Мишель О воспитании детей filosoff.org

Разработав в уме план комедии и расставив все по своим местам, он считал остальное безделицей. С той поры как Ронсар и Дю Белле создали славу нашей французской поэзии, нет больше стихоплетов, сколь бы бездарными они ни были, которые не пучились бы словами, не нанизывали бы слогов, подражая им: *Plus sonat quam valet* [67]. Никогда еще не было у нас столько поэтов, пишущих на родном языке. Но хотя им и было легко усвоить ритмы двух названных поэтов, они все же не дорошли до того, чтобы подражать роскошным описаниям первого и нежным фантазиям второго.

Но как же должен поступить наш питомец, если его начнут донимать софистическими тонкостями вроде следующего силлогизма: ветчина возбуждает желание пить, а пить утоляет жажду, стало быть, ветчина утоляет жажду? Пусть он посмеется над этим. Гораздо разумнее смеяться над подобными глупостями, чем пускаться в обсуждение их. Пусть он позаимствует у Аристиппа его остроумное замечание: "К чему мне распутывать это хитросплетение, если, даже будучи запутанным, оно изрядно смущает меня?" Некто решил выступить против Клеанфа во всеоружии диалектических ухищрений. На это Хрисипп сказал: "Забавляй этими фокусами детей и не отвлекай подобной чепухой серьезные мысли взрослого человека".

Если эти софистические нелепости, эти *contorta et aculeata sophismata* [68] способны внушить ученику ложные понятия, то это и в самом деле опасно; но если они не оказывают на него никакого влияния и не вызывают в нем ничего, кроме смеха, я невижу никаких оснований к тому, чтобы он уклонялся от них. Существуют такие глупцы, которые готовы свернуть с пути и сделать крюк в добрую четверть лье в погоне за острым словцом: *aut qui pop verba rebus aptant, sed res extrinsecus arcessunt, quibus verba convenient* [69]. А вот с чем встречаемся у другого писателя: *sunt qui alicuius verbi decore placentis vocentur ad id quod non proposuerant scribere* [70]. Я охотнее изменю какое-нибудь хорошее изречение, чтобы вставить его в мои собственные писания, чем оборвут нить моих мыслей, чтобы найти ему подходящее место. По-моему, это словам надлежит подчиняться и идти следом за мыслями, а не наоборот, и там, где бессилен французский, пусть его заменит гасконский. Я хочу, чтобы вещи преобладали, чтобы они заполняли собой воображение слушателя, не оставляя в нем никакого воспоминания о словах. Речь, которую я люблю, это бесхитростная, простая речь, такая же на бумаге, как на устах; речь сочная и остшая, краткая и скатая, не столько тонкая и приглаженная, сколько мощная и суровая:

Наес *demum saplet dictio, quae ferlet* [71];
скорее трудная, чем скучная; свободная от всякой напыщенности,
непринужденная, нескладная, смелая; каждый кусок ее должен выполнять свое
дело; она не должна быть ни речью педанта, ни речью монаха, ни речью
сугуби, но, скорее, солдатскою речью, как называет Светоний речь Цезаря
[72], хотя, говоря по правде, мне не совсем понятно, почему он ее так
называет.

Я охотно подражал в свое время той небрежности, с какой, как мы видим, наша молодежь носит одежду: плащ, свисающий на завязках, капюшон на плече, кое-как натянутые чулки - все это призвано выразить гордое презрение к этим иноземным нарядам, а также пренебрежение ко всякому лоску. Но я нахожу, что еще более уместным было бы то же самое в отношении нашей речи. Всякое жеманство, особенно при нашей французской живости и непринужденности, совсем не к лицу придворному, а в самодержавном государстве любой дворянин должен вести себя как придворный. Поэтому мы поступаем, по-моему, правильно, слегка подчеркивая в себе простодушие и небрежность.

Я ненавижу ткань, испещренную узелками и швами, подобно тому как и красивое лицо не должно быть таким, чтобы можно было пересчитать все его кости и вены. *Quae veritati operam dat oratio, incomposita sit et simplex* [73]. *Quis accurate loquitur, nisi qui vult putide loqui* [74]?

Красноречие, отвлекая наше внимание на себя, наносит ущерб самой сути вещей.

Желание отличаться от всех остальных не принятым и необыкновенным покроем одежды говорит о мелочности души; то же и в языке: напряженные поиски новых выражений и малоизвестных слов порождаются ребяческим тщеславием педантов. Почему я не могу пользоваться той же речью, какую пользуются на парижском рынке? Аристофан Грамматик [75], ничего в этом не смыся, порицал в Эпикуре простоту его речи и цель, которую тот ставил перед собой как оратор и которая состояла исключительно в ясности языка. Подражание чужой речи в силу его доступности - вещь, которой постоянно занимается целый народ; но подражать в мышлении и в воображении - это дается не так уж легко. Большинство читателей, находя облачение одинаковым, глубоко заблуждаются, полагая, что под ним скрыты и одинаковые тела.

Силу и сухожилия нельзя позаимствовать; заимствуются только уборы и плащ. Большинство тех, кто посещает меня, говорит так же, как написаны эти

Монтель Мишель О воспитании детей filosoff.org
"Опыты"; но я, право, не знаю, думают ли они так же или как-нибудь
по-иному.

Афиняне, говорит Платон [76] заботятся преимущественно о богатстве и изяществе своей речи, лакедемоняне - о ее краткости, а жители Крита проявляют больше заботы об изобилии мыслей, нежели о самом языке: они-то поступают правильнее всего. Зенон говорил, что у него было два рода учеников: один, как он именует их, *jītologoi*, алчущие познания самих вещей, - и они были его любимцами; другие - *lōgojīloī*, которые заботились только о языке [77]- Этим нисколько не отрицается, что умение красно говорить - превосходная и весьма полезная вещь; но все же она совсем не так хороша, как принято считать, и мне досадно, что вся наша жизнь наполнена стремлением к ней. Что до меня, то я прежде всего хотел бы знать надлежащим образом свой родной язык, а затем язык соседних народов, с которыми я чаще всего общаюсь. Овладение же языками греческим и латинским - дело, несомненно, прекрасное и важное, но оно покупается слишком дорогою ценой. Я расскажу здесь о способе приобрести эти знания много дешевле обычного - способе, который был испытан на мне самом. Его сможет применить всякий, кто пожелает.

Покойный отец мой, наведя тщательнейшим образом справки у людей ученых и сведущих, как лучше всего изучать древние языки, был предупрежден ими об обычно возникающих здесь помехах; ему сказали, что единственная причина, почему мы не в состоянии достичь величия и мудрости древних греков и римлян, - продолжительность изучения их языков, тогда как им самим это не стоило ни малейших усилий. Я, впрочем, не думаю чтобы это была действительно единственная причина. Так или иначе, но мой отец нашел выход в том, что прямо из рук кормилицы и прежде, чем мой язык научился первому лепету, отдал меня на попечение одному немцу [78], который много лет спустя скончался во Франции, будучи знаменитым врачом. Мой учитель совершенно не знал нашего языка, но прекрасно владел латынью. Приехав по приглашению моего отца, предложившего ему превосходные условия, исключительно ради моего обучения, он неотлучно находился при мне. Чтобы облегчить его труд, ему было дано еще двое помощников, не столь ученых, как он, которые были приставлены ко мне дядьками. Все они в разговоре со мною пользовались только латынью. Что до всех остальных, то тут соблюдалось нерушимое правило, согласно которому ни отец, ни мать, ни лакей или горничная не обращались ко мне с иными словами, кроме латинских, усвоенных каждым из них, дабы кое-как объясняться со мною. Поразительно, однако, сколь многого они в этом достигли. Отец и мать выучились латыни настолько, что вполне понимали ее, а в случае нужды могли и изъясниться на ней; то же можно сказать и о тех слугах, которым приходилось больше соприкасаться со мною. Короче говоря, мы до такой степени олатинились, что наша латынь добралась даже до расположенных в окрестностях деревень, где и по сию пору сохраняются укоренившиеся вследствие частого употребления латинские названия некоторых ремесел и относящихся к ним орудий. Что до меня, то даже на седьмом году я столько же понимал французский или окружающий меня перигорский говор, сколько, скажем, арабский. И без всяких ухищрений, без книг, без грамматики и каких-либо правил, без розог и слез я постиг латынь, такую же безупречно чистую, как и та, которой владел мой наставник, ибо я не знал ничего другого, чтобы портить и искашать ее. Когда случалось предложить мне ради проверки письменный перевод на латинский язык, то приходилось давать мне текст не на французском языке, как это делают в школах, а на дурном латинском, который мне надлежало переложить на хорошую латынь. И Никола Груши, написавший "De comitiis Romanorum", Гильом Герант, составивший комментарии к Аристотелю, Джордж Бьюкенен, великий шотландский поэт, Марк-Антуан Мюре [79], которого и Франция и Италия считают лучшим оратором нашего времени, бывшие также моими наставниками, не раз говорили мне, что в детстве я настолько легко и свободно говорил по латыни, что они боялись подступиться ко мне. Бьюкенен, которого я видел и позже в свите покойного маршала де Бриссака, сообщил мне, что, намереваясь писать о воспитании детей, он взял мое воспитание в качестве образца; в то время на его попечении находился молодой граф де Бриссак, представивший вам впоследствии доказательства своей отваги и доблести.

Что касается греческого, которого я почти вовсе не знаю, то отец имел намерение обучить меня этому языку, используя совершенно новый способ - путем разного рода забав и упражнений. Мы перебрасывались склонениями вроде тех юношей, которые с помощью определенной игры, например шашек, изучают арифметику и геометрию. Ибо моему отцу, среди прочего, советовали приохотить меня к науке и к исполнению долга, не насиلاя моей воли и опираясь исключительно на мое собственное желание. Вообще ему советовали воспитывать мою душу в кротости, предоставляя ей полную волю, без строгости и принуждения. И это проводилось им с такой неукоснительностью, что, - во

внимание к мнению некоторых, будто для нежного мозга ребенка вредно, когда его резко будят по утрам, вырывая насищенно и сразу из цепких объятий сна, в который они погружаются гораздо глубже, чем мы, взрослые, - мой отец распорядился, чтобы меня будили звуками музыкального инструмента и чтобы в это время возле меня обязательно находился кто-нибудь из обслуживающих мне.

Этого примера достаточно, чтобы судить обо всем остальном, а также чтобы получить надлежащее представление о заботливости и любви столь исключительного отца, которому ни в малой мере нельзя поставить в вину, что ему не удалось собрать плодов, на какие он мог рассчитывать при столь тщательной обработке. два обстоятельства были причиной этого: во первых, бесплодная и неблагодарная почва, ибо, хоть я и отличался отменным здоровьем и податливым, мягким характером, все же, наряду с этим, я до такой степени был тяжел на подъем, вял и сонлив, что меня не могли вывести из состояния праздности, даже чтобы заставить хоть чуточку поиграть. То, что я видел, я видел как следует, и под этой тяжеловесной внешностью предавался смелым мечтам и не по возрасту зрелым мыслям. Ум же у меня был медлительный, шедший не дальше того, докуда его довели, усваивал я также не сразу; находчивости во мне было мало, и, ко всему, я страдал почти полным - так что трудно даже поверить - отсутствием памяти. Поэтому нет ничего удивительного, что отцу так и не удалось извлечь из меня что-нибудь стоящее. А во-вторых, подобно всем тем, кем владеет страстное желание выздороветь и кто прислушивается поэтому к советам всякого рода, этот добряк, безумно боясь потерпеть неудачу в том, что он так близко принимал к сердцу, уступил, в конце концов, общему мнению, которое всегда отстает от людей, что идут впереди, вроде того как это бывает с журавлями, следующими за вожаком, и подчинился обычью, не имея больше вокруг себя тех, кто снабдил его первыми указаниями, вывезенными им из Италии. Итак, он отправил меня, когда мне было около шести лет, в гиенскую школу, в то время находившуюся в расцвете и почитавшуюся лучшей во Франции. И вряд ли можно было бы прибавить еще что-нибудь к тем заботам, которыми он меня там окружил, выбрав для меня наиболее достойных наставников, занимавшихся со мною отдельно, и выговорив для меня ряд других, не предусмотренных в школах, преимуществ. Но как бы там ни было, это все же была школа. Моя латынь скоро начала здесь портиться, и, отвыкнув употреблять ее в разговоре, я быстро утратил владение ею. И все мои знания, приобретенные благодаря новому способу обучения, сослужили мне службу только в том отношении, что позволили мне сразу перескочить в старшие классы. Но, выйдя из школы тринадцати лет и окончив, таким образом, курс наук (как это называется на их языке), я, говоря по правде, не вынес оттуда ничего такого, что представляет сейчас для меня хоть какую-либо цену.

Впервые влечение к книгам зародилось во мне благодаря удовольствию, которое я получил от рассказов Овидия в его "Метаморфозах". В возрасте семи-восьми лет я отказывался от всех других удовольствий, чтобы наслаждаться чтением их; кроме того, что латынь была для меня родным языком, это была самая легкая из всех известных мне книг и к тому же наиболее доступная по своему содержанию моему незрелому уму. Ибо о всяких там Ланселотах Озерных, Амадисах, Гюонах Бордоских [80] и прочих дрянных книжонках, которыми увлекаются в юные годы, я в то время и не слыхивал (да и сейчас толком не знаю, в чем их содержание), - настолько строгой была дисциплина, в которой меня воспитывали. Больше небрежности проявлял я в отношении других задаваемых мне уроков. Но тут меня выручало то обстоятельство, что мне приходилось иметь дело с умным наставником, который умел очень мило закрывать глаза как на эти, так и на другие, подобного же рода мои прегрешения. Благодаря этому я проглотил последовательно "Энеиду" Вергилия, затем Теренция, Плавта, наконец, итальянские комедии, всегда увлекавшие меня занимательностью своего содержания. Если бы наставник мой проявил тупое упорство и насищенно оборвал это чтение, я бы вынес из школы лишь лютую ненависть к книгам, как это случается почти со всеми нашими молодыми дворянами. Но он вел себя весьма мудро. Делая вид, что ему ничего не известно, он еще больше разжигал во мне страсть к поглощению книг, позволяя лакомиться ими только украдкой и мягко понуждая меня выполнять обязательные уроки. Ибо главные качества, которыми, по мнению отца, должны были обладать те, кому он поручил мое воспитание, были добродушие и мягкость характера. Да и в моем характере не было никаких пороков, кроме медлительности и лени. Опасаться надо было не того, что я сделаю что-нибудь плохое, а того, что я ничего не буду делать. Ничто не предвещало, что я буду злым, но все - что я буду бесполезным. Можно было предвидеть, что мне будет свойственна любовь к безделью, но не любовь к дурному.

Я вижу, что так оно и случилось. Жалобы, которыми мне протрубили все уши, таковы: "Он ленив; равнодушен к обязанностям, налагаемым дружбой и

родством, а также к общественным; слишком занят собой". И даже те, кто менее всего расположен ко мне, все же не скажут: "На каком основании он захватил то-то и то-то? На каком основании он не платит?" Они говорят: "Почему он не уступает? Почему не дает?"

Я буду рад, если и впредь ко мне будут обращать лишь такие, порожденные сверхтребовательностью, упреки. Но некоторые несправедливо требуют от меня, чтобы я делал то, чего я не обязан делать, и притом гораздо настойчивее, чем требуют от себя того, что они обязаны делать. Осуждая меня, они заранее отказывают тем самым любому моему поступку в награде, а мне - в благодарности, которая была бы лишь справедливым воздаянием должного. Прошу еще при этом учесть, что всякое хорошее дело, совершенное мною, должно цениться тем больше, что сам я меньше кого-либо пользовался чужими благодеяниями. Я могу тем свободнее распоряжаться моим имуществом, чем больше оно мое. И если бы я любил расписывать все, что делаю, мне было бы легко отвести от себя эти упреки. А иным из этих господ я сумел бы без труда доказать, что они не столько раздражены тем, что я делаю недостаточно много, сколько тем, что я мог бы сделать для них значительно больше.

В то же время душа моя сама по себе вовсе не лишена была сильных движений, а также отчетливого и ясного взгляда на окружающее, которое она достаточно хорошо понимала и оценивала в одиночестве, ни с кем ни общаясь. И среди прочего я, действительно, думаю, что она неспособна была бы склониться перед силою и принуждением.

Следует ли мне упомянуть еще об одной способности, которую я проявлял в своем детстве? Я имею в виду выразительность моего лица, подвижность и гибкость в голосе и телодвижениях, умение сживаться с той ролью, которую я исполнял. Ибо еще в раннем возрасте,

Alter ab undecimo turn me vix seperat annus [81],

яправлялся с ролями героев в латинских трагедиях Бьюкенена, Геранта и Мюре, которые отлично ставились в нашей гиеньской школе. Наш принципал, Андреа де Гувеа [82], как и во всем, что касалось исполняемых им обязанностей, был и в этом отношении, без сомнения, самым выдающимся среди принципалов наших школ. Так вот, на этих представлениях меня считали первым актером. Это - такое занятие, которое я ни в какой мере не порицал бы, если бы оно получило распространение среди детей наших знатных домов. Впоследствии мне довелось видеть и наших принцев, которые отдавались ему, уподобляясь в этом кое-кому из древних, с честью для себя и с успехом.

В древней Греции считалось вполне пристойным, когда человек знатного рода делал из этого свое ремесло: *Aristoni tragico actori rem aperit; huic et genus et fortuna honesta erant; nec ars, quia nihil tale apud. Graecos pudori est, ea deformabat [83].*

Я всегда осуждал нетерпимость ополчающихся против этих забав, а также несправедливость тех, которые не допускают искусственных актеров в наши славные города, лишая тем самым народ этого публичного развлечения. Разумные правители, напротив, прилагают всяческие усилия, чтобы собирать и объединять горожан как для того, чтобы сообща отправлять обязанности, налагаемые на нас благочестием, так и для упражнений и игр разного рода: дружба и единение от этого только крепнут. И потом, можно ли было бы предложить им более невинные развлечения, чем те, которые происходят на людях и на виду у властей? И, по-моему, было бы правильно, если бы власти и государь угощали время от времени за свой счет городскую коммуну подобным зрелищем, проявляя тем самым свою благосклонность и как бы отеческую заботливость, и если бы в городах с многочисленным населением были отведены соответствующие места для представлений этого рода, которые отвлекали бы горожан от худших и темных дел.

Возвращаясь к предмету моего рассуждения, повторю, что самое главное - это прививать вкус и любовь к науке; иначе мы воспитаем просто ослов, нагруженных книжной премудростью. Поощряя их ударами розог, им отдают на хранение торбу с разными знаниями, но для того, чтобы они были действительным благом, недостаточно их держать при себе, - нужно ими проникнуться.

[1] Диана де Фуа - жена Луи де Фуа, графа Гюрсона. Луи де Фуа и два его брата с юных лет были близкими друзьями Монтеня.

[2] ...четырех частей математики... - арифметики, геометрии, музыки и астрономии.

[3] Данайды - дочери Даная; за убийство своих мужей они были осуждены наполнять в Тартаре бездонную бочку (греч. мифол.).

[4] Клеанф - древнегреческий философ-стоик, ученик Зенона (род. ок. 300 г. до н. э.). Диоген Лаэрций оставил его жизнеописание.

[5] Аполлодор говорил... - на основании одного этого упоминания об Аллодоре нельзя определить, какого Аполлодора Монтень имеет в виду.

[6] Центон - произведение, составленное из отрывков, взятых у различных

авторов.

[7] Лелио Капилупи (1498-1560) - итальянский филолог, составитель центон на различные темы, главным образом из Вергилия. Одну из его центон, посвященную монахам, и имеет в виду Монтень (*Cento ex Virgillo de vita monachorum*, 1541).

[8] Юст Липсий (1547-1606) - голландский филолог и гуманист, знаток римских древностей, издатель многих латинских авторов, в частности Тацита. Был дружен с Монтенем и находился с ним в переписке. Монтень имеет в виду его обширную компиляцию (*Politica, sive civillis doctrinae libri VI*, 1589), в которой Липсий защищал свободу совести. Этую книгу Липсий прислал Монтеню в дар с посвящением.

[9] ...сохранились произведения графов де Фуа... - Монтень подразумевает здесь графа Веарнского Гастона III (1331-1391), оставившего после себя славившийся в свое время трактат об охоте под названием "Зерцало Феба".

[10] Желающим научиться чему-либо чаще всего препятствует авторитет тех, кто учит (лат.). - Цицерон. О природе богов, I, 5.

[11] ...пусть... руководствуется примером Платона - т.е. пусть берет в качестве образца последовательности в преподавании от известного к неизвестному диалоги Платона.

[12] Они никогда не выходят из-под опеки (лат.). - Сенека. Письма, 33.

[13] Сомнение доставляет мне не меньшее наслаждение, чем знание (ит.). Данте. Ад, XI. 93.

[14] Над нами нет царя; пусть же каждый сам располагает собой (лат.). Сенека. Письма, 38, 7.

[15] Эпихарм - древнегреческий поэт-комедиограф (ум. ок. 450 г. до н. э.).

[16] Церковь Санта Мария Ротонда - купольный храм "всех богов", выстроенный Агриппой в Риме в 25 г. до н. э. и впоследствии превращенный в христианскую церковь.

[17] Пусть он живет под открытым небом среди невзгод (лат.). - Гораций. Оды, III, 2, 5.

[18] Труд притупляет боль (лат.). - Цицерон. Тускуланские беседы, II, 15.

[19] Можно быть ученым без заносчивости и чванства (лат.). - Сенека. Письма, 103, 5.

[20] Если Сократ и Аристипп и делали что-нибудь вопреки установленвшимся нравам и обычаям, пусть другие не считают, что и им дозволено то же; ибо эти двое получили право на эту вольность благодаря своим великим и божественным достоинствам [20] (лат.). - Цицерон. Об обязанностях, I, 41. Аристипп (V-IV в. до н. э.) - философ, ученик Сократа.

[21] И никакая необходимость не принуждает его защищать все то, что предписано и приказано (лат.). - Цицерон. Академические вопросы. Первый набросок, II, 3.

[22] Какая почва застывает от мороза, какая становится рыхлой летом, и какой ветер попутен парусу, направляющемуся в Италию (лат.). - Пропорций, IV, 3, 39-40.

[23] ...по словам Платона... - Гиппий Большой, 285 с.

[24] Публий Корнелий Сципион Африканский - римский военачальник, победитель Ганнибала во 2-й Пунической войне (218-201 гг. до н. э.). ...Марцелл... принял недостойную... смерть. - Марк Клавдий Марцелл римский полководец времен 2-й Пунической войны; погиб в 208 г. до н. э., попав в засаду.

[25] ...его замечание... дало... Ла Боэси тему и повод к написанию "добротного рабства". - Эта догадка безосновательна. Идея Ла Боэси о том, что достаточно сказать самодержцу-деспоту "нет", т. е. чтобы весь народ отказался ему служить и повиноваться, была итогом долгих размышлений Ла Боэси, а не следствием случайно вычитанной у Плутарха фразы.

[26] ...ты говоришь... не так, как должно. - Плутарх. Изречения лакедемонян, Александрия, 2.

[27] Чего дозволено желать; в чем ценность недавно отчеканенных денег; насколько подобает расщедриться для своей родины и милых сердцу близких; кем бог назначил тебе быть, и какое место ты в действительности занимаешь между людьми; чем мы являемся или для какой жизни мы родились (лат.). - Персий, III, 69 сл.

[28] Как и от каких трудностей ему уклоняться и какие переносить (лат.) - Вергилий. Энеида, III, 459. Цитируется неточно.

[29] ...ограничившись, по совету Сократа, изучением лишь бесспорно полезного. - Диоген Лаэрций. II, 21.

[30] Решись стать разумным, начни! Кто медлит упорядочить свою жизнь, подобен тому простаку, который дожидается у реки, когда она пронесет все свои воды; а она течет и будет течь веки вечные (лат.). - Гораций. Послания, I, 2, 40 сл.

Монтель Мишель О воспитании детей filosoff.org

[31] Каково влияние созвездия Рыб, отважного льва иль Козерога, омываемого гесперийскими водами (лат.). - Пропорций, IV, 1, 85-86.

[32] Что мне до Плеяд и до Волопаса? (греч.). - Анакреонт. Оды, 17.

[33] Анаксимен (VI в. до н. э.) - древнегреческий философ, стихийный материалист. Ученик Анаксимандра.

[34] Феодор Газа (1400-1478), родом грек - автор распространенной в XVI в. грамматики греческого языка.

[35] ballw - 1-е лицо настоящего времени глагола "метать", 1-е лицо будущего времени - balvi; ceiron - "хуже"; beltion- "лучше", неправильное образование сравнительной степени; ceiriston и beltiston- неправильные образования превосходной степени.

[36] Ты можешь обнаружить страдания души, сокрытой в больном теле, как можешь обнаружить и ее радость: ведь лицо отражает и то и другое (лат.). - Ювенал. Сатиры, IX, 18 сл.

[37] ...baroco и baralipton... - термины схоластической логики, обозначающие модусы силлогизмов.

[38] Эпизикилы - круги, с помощью которых древние объясняли видимое движение планет. После открытия Кеплером законов движения планет теория эпизиклов была оставлена.

[39] Брадаманта и Анджелика - героиня поэмы Ариосто (1474-1533) "Неистовый Роланд".

[40] ...женоподобный фригийский пастух... - Парис, присудивший золотое яблоко Афродите. У софиста Продика (V в. до н. э.) можно обнаружить такой рассказ: на распутье пред юношей Гераклом представали две женщины Изнеженность и Добродетель - и каждая склоняла его последовать за ней; Геракл избрал Добродетель. Того же хочет от юноши и Монтень.

[41] Глина влажна и мягка: нужно поспешить и, не теряя мгновения, обработать ее на гончарном круге (лат.). - Персий, III, 23-24. Цитируется неточно.

[42] Юноши, старцы! Здесь ищите истинной цели для вашего духа и поддержки для обездоленных седин (лат.). - Персий, V, 64-65.

[43] Ни... юный не бежит философии, ни самый старый... - Диоген Лаэрций, X, 122.

[44] Карнеад (214-129 гг. до н. э.) - видный представитель античного скептицизма.

[45] ...явившись по приглашению Платона на его пир... - Один из известнейших диалогов Платона носит название "Пир".

[46] Она полезна как бедняку, так и богачу; пренебрегая ею, и юноша, и старец причинят себе вред (лат.). - Гораций. Послания, I, 1, 25-26. Цитируется неточно.

[47] ...как если бы это была пара... коней. - Плутарх. Как сохранить здоровье, 25.

[48] ...безгранична власть учителя чревата опаснейшими последствиями... - Квинтилиан. Обучение оратора, 1, 3.

[49] Спевсипп (ок. 409-339 гг. до н. э.) - древнегреческий философ платоник.

[50] Германик - см. прим. 4, гл. XVIII.

[51] Большая разница между нежеланием и неспособностью совершить поступок(лат.). - Сенека. Письма, 90, 48

[52] Алквиад (451-404 гг. до н. э.) - афинский политический деятель, отличавшийся политическим авантюризмом; в юности - один из учеников Сократа.

[53] Аристипп легко приспосабливается к любому обороту и состоянию дел (лат.). - Гораций. Послания, I, 17, 23

[54] Чтобы терпение укрывало его двойным плащом, и я был бы очень доволен, если бы он научился приспосабливаться к изменившимся обстоятельствам и легко выполнял бы и ту, и другую роль (лат.). Гораций. Послания, I, 17, 25-26 и 29. Цитируется неточно. Здесь парофраза стихов Горация.

[55] Скорее из жизни, нежели из книг усвоили они эту науку правильно жить, высшую из всех (лат.). - Цицерон. Тускуланские беседы, IV, 3.

[56] Я не знаю ни наук, ни искусств... я - философ. - Цицерон (Тускуланские беседы, V, 3) рассказывает то же самое не о Геракле Понтийском, а о Пифагоре.

[57] Гегесий - философ-киник (IV-III вв. до н. э.). Сообщаемое Монтенем см.: Диоген Лаэрций, VI, 64 и 48.

[58] Надо, чтобы он видел в своей науке не похвальбу своей осведомленностью, но закон своей жизни, и чтобы он умел подчиняться себе самому и повиноваться своим решениям (лат.). - Цицерон. Тускуланские беседы, II, 4.

[59] ...они хотят приучить ее к делам, в не к словам. - Плутарх. Изречения лакедемонян. Зевксидам - отец спартанского царя Архидама II (V в. до н.

э.).

[60] Когда суть дела обдумана заранее, слова приходят сами собой. Гораций. Наука поэзии, 311.

[61] Когда суть дела заполняет души, слова сопутствуют ей. - Сенека Старший. Контроверзы, III.

[62] Сам предмет подсказывает слова. - Цицерон. О высшем благе и высшем зле, III, 5.

[63] ...завитушки могут увлечь только невежд... - Тацит. Диалог об ораторах. XIX.

[64] Человек тонкого вкуса, стихи он складывал грубо (лат.). - Гораций. Сатиры, I, 4, 8.

[65] Перепутай долгие и краткие слоги, разрушь ритм, измени порядок слов, поставь первое слово на место последнего и последнее на место первого... ты обнаружишь остаток даже растерзанного поэта (лат.). Гораций. Сатиры, I, 4. У Горация: "ты не обнаружишь даже остатка" (отрицание non в пропущенном у Монтена шестидесятом стихе).

[66] Менандр (342-292 гг. до н. э.) - знаменитый афинский комедиограф, представитель так называемой новой аттической комедии.

[67] Больше звону, чем смысла (лат.). - Сенека. Письма, 40, 6.

[68] Запутанные и изощренные софизмы (лат.). - Цицерон. Академические вопросы. Первый набросок, II, 24.

[69] ...или такие, что не слова соразмеряют с предметом, но выискивают предметы, к которым могли бы подойти эти слова (лат.). - Квинтилиан, VII, 3.

[70] Бывают и такие, которые, увлекшись каким-нибудь излюбленным словом, обращаются к тому, о чём не предполагали писать (лат.). - Сенека. Письма, 59, 5.

[71] Ведь в конце концов, нравится только такая речь, которая потрясает (лат.). - Стих из эпитафии на могиле Лукана.

[72] ...солдатской речью... называет Светоний Цезаря... - Светоний. Божественный Юлий, 58. Монтень был введен в заблуждение текстом современных ему изданий Светония, где это место, как оно печаталось, действительно давало основания говорить о каком-то особом солдатском красноречии Цезаря. В новейших изданиях мы читаем: "Eloquentia miliarque re aut aequavit praestantissimorum gloriam exessit" ("В красноречии и военном деле он был равен славою наиболее выдающимся ораторам и полководцам или превосходил их").

[73] Речь, пекущаяся об истине, должна быть простой и безыскусной (лат.). - Сенека. Письма, 40, 4.

[74] Кто же оттачивает свои слова, если не тот, кто ставит своей задачей говорить вычурно? (лат.). - Сенека. Письма, 75, 1.

[75] Аристофан (Грамматик) Византийский - древнегреческий грамматик III-II вв. до н. э. Античная традиция приписывает ему изобретение знаков препинания и различных видов ударения.

[76] ...они-то поступают правильнее всего. - Платон. Законы, I, 11.

[77] ...которые заботились только о языке. - Стобей. Антология, XXXVI, jīloīogoī - филологи, любящие словесность, logojīloī - логофилы, любящие слова. Зенон (ок. 360 - ок. 263 гг. до н. э.) - греческий философ, основатель философской школы стоиков.

[78] ...отдал меня на попечение одному немцу... - Его фамилия была Горст (Horst), но звали его на латинский лад Горстанус; после семьи Монтеней он преподавал в том самом гиеньском колледже в Бордо, в котором обучался Монтень.

[79] Никола Груши (1820-1572) - французский филолог; преподавал греческий язык в университетах Бордо и Коимбры. Как протестант он подвергался гонениям во время так называемых религиозных войн во Франции. - Джордж Вьюкенен (1506-1882) - шотландский филолог, поэт, политический мыслитель и государственный деятель. Примкнул к гуманистическому движению и навлек на себя обвинение в ереси. Вынужденный бежать во Францию, Вьюкенен некоторое время преподавал в Бордо латинский язык. Впоследствии вернулся в Шотландию, где стал воспитателем шотландского короля Иакова VI (позднее английского короля Иакова I). Написал тираноборческий трактат "О королевском праве у шотландцев" (1579), в котором излагается учение о народном суверенитете и о праве народа восставать против тиранов. Трактат Вьюкенена, запрещенный в течение всего XVII в. и торжественно сожженный Оксфордским университетом, несомненно, был известен Монтеню, на чью жизнь сохранившему привязанность к своему наставнику. Марк. Антуан Мюре (1826-1888) - видный французский филолог, прозванный "светочем и столпом латинской школы". Мюре прославился среди современников трагедией на латинском языке "Юлий Цезарь" (опубл. в 1563 г.) и французскими комментариями к Ронсару. Вьюкенен и Мюре стоят у истоков возрождения античной драматургической традиции во Франции. Груши,

Монтель Мишель О воспитании детей filosoff.org

Грант, Вьюкенен и Мюре были учителями Монтеня либо в гиеньском коллеже в Бордо, либо в бордоском университете.

[80] ...о ...Ланселотах Озерных, Амадисах, Гюонах Бордоских... я ...и не слыхивал... - Имеются в виду герои поздних переделок рыцарских романов, издававшихся в огромном количестве в XVI в.

[81] Мне в ту пору едва пошел двенадцатый год (лат.). - Вергилий. Эклоги, VII, 39.

[83] Он поделился своим замыслом с трагическим актером Аристоном; этот последний был хорошего рода, притом богат, и актерское искусство, который у греков не считается постыдным, нисколько не унижало его (лат.).

[82] Андреа де Гувеа (1497–1548) – португальский филолог, преподававший во Франции и одно время бывший директором гненьского коллежа в Бордо.

[83] ...актерское искусство... нисколько не унижало его. - Тит Ливий, XXIV, 24.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!